

Представители правительств разрабатывают официальные документы Версальского договора

ИСТОРИЯ

Договор с последствиями

Версальскому договору в нынешнем году исполняется 100 лет. Его подписание принесло не прочный мир, а продолжение войны другими средствами. И все же тезис о том, что Веймарская Республика потерпела крах «из-за Версаля», — это историко-политический миф. О причинах его возникновения для «Д» рассказывает **Экерт Конце**, профессор истории нового времени в Марбурге.

Экерт Конце

Против истории президент Северо-Американских Соединенных Штатов Вудро Вильсон отправился на Парижскую мирную конференцию в декабре 1918 года на бывшем немецком судне. До начала войны пароход «Джордж Вашингтон» принадлежал компании «Северогерманский Ллойд», но потом был конфискован в порту Нью-Йорка и с 1917 года использовался американскими военными для переброски личного состава в Европу. По прибытии во французский портовый город Брест президента Вильсона встречали ликующие массы. Его поездка по Европе — Париж, Лондон, Рим — напоминания триумфальное шествие. Соединенные Штаты не только решили исход войны, верили европейцы, —

чиная с Вестфальского мира 1648 года и заканчивая Венским конгрессом в 1814–1815 годах, было призвано не только поставить точку в долгой войне, но и заложить основу нового, устойчивого порядка. И тем не менее до 1919 года ни на один другой мирный договор не возлагали таких больших, разноплановых и противоречивых надежд, имевших настолько комплексный характер, что мирная конференция не смогла дать на них достойный ответ.

Так, над «миротворцами» довел опыт самой войны — страшной, продолжавшейся четыре с половиной года, с оружием массового уничтожения и миллионами жертв, не знающей прецедентов в мировой истории. Не было и примеров заключения мира после такой тотальной войны. В изможденных, в буквальном смысле обескровленных социумах, измученных тяготами военного времени, в последние годы войны все больше распространялась щемящая тоска по миру, истовое желание прекратить массовые страдания и смерть. Но вместе с тем крепла, утверждалась в умах и ненависть к врагам. Она неизбежно отразилась и на содержании мирного договора, за подписанием которого поэтому последовало не примирение, а продолжение войны другими средствами.

Вильсона мучило предчувствие, что Версальская конференция может обернуться трагедией разочарования

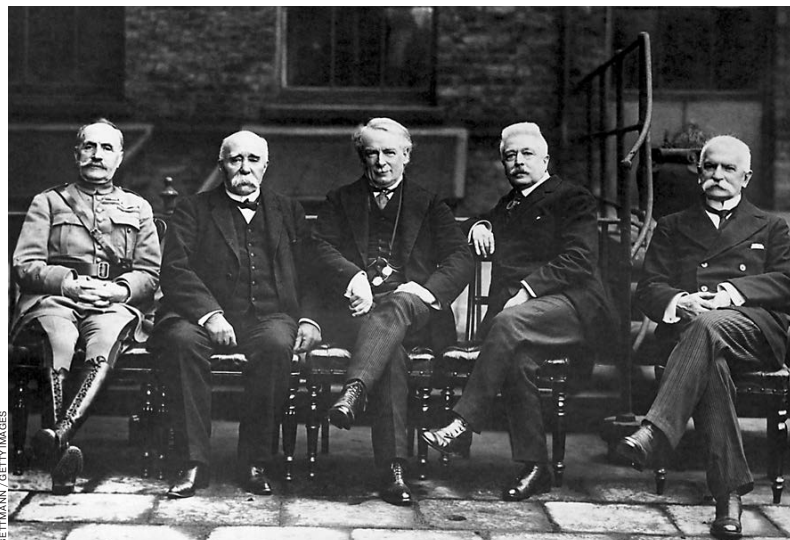
они должны были принести Европе и всей планете вечный мир.

Сам Вильсон был настроен куда более скептически. Еще во время путешествия через океан его мучило предчувствие, что конференция может обернуться «трагедией разочарования». И действительно, не успели просохнуть чернила под документом, как у него не осталось защитников. А после Второй мировой войны «Версаль» и международный порядок, основанный на договорах 1919–1920 годов, и вовсе стали считать причиной фиаско мирных усилий.

Но почему версальские договоренности нигде не встретили одобрения, повсеместно вызвали сомнения и так и не позволили европейскому и мировому сообществу обрести мир и покой? С заключением мира после страшной войны связывали колоссальные ожидания: он должен был положить конец любым вооруженным конфликтам. Конечно, любое крупное подписание мирных договоров в Новое время, на-

Но проблематика мира и его недостаточного неприятия не исчерпывается обстоятельствами заключения мира и специфическими условиями Версальского договора. В более широкой перспективе, не ограниченной Германией, критика мирных договоров, которую высказывали еще современники, а также их все более явное и массовое неприятие объяснялись тем, что установление мира после Первой мировой войны было сопряжено с обстоятельствами, выходящими далеко за пределы этой узкой задачи. Это и распад многонациональных империй — России, Австро-Венгрии, Османской империи, и основание новых государств, к которому привела эрозия старых.

Императив Вильсона о самоопределении народов и политика национализации не давали ответов на вопрос о сосуществовании различных этнических групп населения. Напротив, этнические конфликты и проблемы с меньшинствами обострились, а идея этнически однородного нацио-

Лидеры союзников на встрече в Лондоне.

Слева направо: главнокомандующий союзными войсками маршал Фердинанд Фох, премьер Франции Джордж Клемансо, премьер Англии Дэвид Ллойд Джордж, премьер Италии Витторิโอ Орландо, министр иностранных дел Италии барон Джорджио Соннино

нального государства способствовала эскалации конфликта и насилия, началу войн, обычных и гражданских, погромам и насильственному переселению — всему, что изначально несло в себе потенциал геноцида.

За пределами Европы в колониальном мире — опять-таки под воздействием идеи о праве народов на самоопределение — на ход Парижской конференции влияли устремления к автономии и движения сторонников независимости. Однако «час Вильсона» (по выражению Эрццала Манельи) и здесь обернулся колоссальным разочарованием. Парижская политика великих держав определялась не идеями национально-самоопределения, а империалистическими притязаниями на влияние в мире — их колониальные владения после Первой мировой войны не только расширились. Миссию по установлению нового мирового порядка взяли на себя державы глобального Севера, и ведущую роль в этом процессе играли интересы сохранения/усиления их влияния.

Версальский порядок оказался неустойчивым и недолговечным. То, что в конечном итоге у него не осталось ни одного решающего и, главное, влиятельного сторонника, способствовало его краху и, более того, предопределило его. В частности, это относится к США, которые не были готовы использовать свой вес и свою мощь для поддержания порядка, в установлении которого принимала участие и Америка. Там, где США предпринимали усилия для конструктивной реализации договоренностей о мире, как, например, в 1920-х годах в вопросе о репарациях,

возможности версальского миропорядка проявлялись не в последнюю очередь в виде германо-французской политики взаимопонимания в эпоху Бриана — Штресемана, немислимой без Вашингтонской политики стабилизации. Ни о какой прямой дорожке от Версаля к приходу к власти Гитлера и началу Второй мировой войны говорить не приходится.

Фиаско достигнутых договоренностей дискредитировало версальский порядок, и в 1945 году его не стали принимать за основу. Вторая мировая война закончилась без мирного договора. Тем не менее именно в этом отразился опыт Версаля. Провозгласив цель безусловной капитуляции, союзники извлекли уроки из окончания войны в 1918 году: они хотели не допустить появления нового мифа об «ударе ножом в спину» и недвусмысленно продемонстрировать поражение Германии. Независимо от этого вследствие холодной войны изменилась фундаментальная структура международной системы: на место многополярности пришла двуполярность. На таком фоне Версаль уже не мог служить точкой отсчета.

Эта ситуация начинает меняться после 1990 года. Отчасти это обусловлено более четким пониманием, что истоки всех важных тенденций, а также комплексов проблем и конфликтов в мире в конце XX и начале XXI веков следует искать в периоде после Первой мировой войны. В частности, это относится к арабо-израильскому конфликту, перспективе разрешения которого сегодня туманнее, чем когда-либо, и происхождение которого тесно связано с решениями, принимавшимися во вре-

мя Первой мировой войны и Парижской мирной конференции. Аналогично к событиям, предшествовавшим 1919 году и последовавшим за ним, можно отнести и политическую напряженность на Дальнем Востоке, сопутствующую сегодня превращению Китая в глобальную сверхдержаву. Это и глубокое унижение, нанесенное Китаю в 1919 году в Париже, когда Япония и западные державы пренебрегли легитимными интересами Пекина. Все эти исторические данности не объясняют современную динамику конфликтов, но продолжают влиять на политическую картину мира в КНР. Соединенные Штаты вышли победителями из Первой мировой, из Второй мировой, а затем и из холодной войны — трижды за одно столетие. В частности, поэтому XX век стал «американским веком». Чаяния мирного договора в 1918–1919 годах, определяющую роль в котором будут играть США, соотносится с более поздними представлениями о Pax Americana, а надежда, что Первая мировая станет войной, которая положит конец всем войнам, — с идеей о «конце истории» в 1990-е.

Но именно самоустранение США из глобальных политических структур, в формировании которых была велика роль Вудро Вильсона, решающим образом способствовало тому, что международный порядок межвоенного периода оказался настолько неустойчивым и заряженным потенциалом конфликтов. У крупных держав, включая Германию, не было общего интереса в совместном использовании и, следовательно, упрочении структур, сформированных в 1919 году. Как следствие, Лига на-

сивно заявляет свои претензии на глобальное влияние. Наконец, это и Россия, авторитаризм в которой характеризуется нарушениями международного права. Наиболее явно он проявился в аннексии Крыма и вмешательстве в гражданскую войну на Украине, и международное сообщество государств ему мало что может противопоставить — прежде всего нет совместной воли к действию. От этого страдают, подобно Лиге наций 1930-х годов, все те международные структуры и организации, которые, вопреки ожиданиям 1990-х годов, стали не сильнее, а, напротив, слабее, поскольку представляют помеху для односторонних действий.

Европу отнюдь не обошли тенденции возврата к национальному мышлению, которые подталкивают европейскую общность и солидарность. Центробежные силы крепнут и выражаются не только в «Брексите». Мирный нарратив, во второй половине XX века после опыта двух мировых войн, а также богатого на кризисы межвоенного периода послуживший фундаментом для объединения европейского континента, блекнет и теряет силу. Германия, Европа и мир вновь стали восприимчивыми к национализму и идеям о суверенитете за счет отмежевания. «Старыми демонами» назвал их президент Франции Макрон в годовищу Комьенского перемирия (1918 год), говоря о периоде после окончания Первой мировой войны. Тогда этим «демонам» за считанные годы удалось уничтожить ростки мирного международного порядка, а вместе с ними — не только в Европе, но и за ее пределами — надежды на свободу и демократию.

Германия, Европа и мир вновь стали восприимчивы к национализму, к идеям суверенитета за счет отмежевания

ций и прочие многонациональные структуры ослабили и де-факто прекратили существование. Следствием тому явилась мощная волна ренационализации, часто сочетавшаяся с агрессивным национализмом, и не только в случае с Германией.

В современном контексте мировая политика вновь все больше определяется национальными интересами и односторонними действиями отдельных держав. Это и США, где Дональд Трамп доводит до крайности тенденции, зародившиеся еще в 1990-е годы, тем самым подрывая больше, чем только трансатлантизм XX века. Это и КНР, которая самоуверенно и агрес-

Новый всплеск национализма, популизма и авторитаризма в Европе и мире действительно напоминает о времени после 1919 года. Война, не получившая должного осмысления, заключенный исподволь мир, как следствие, глубокий экономический кризис — все это заставляло тогда усомниться в достоинствах либеральной демократии. Во многих странах к власти пришли авторитарные правительства. Представления о либеральном послевоенном порядке, при котором и победители, и побежденные смогли бы жить мирно и свободно, после Первой мировой войны остались лишь мимолетной иллюзией.